

А. А. Мальцева

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: alla.maltseva@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ОСВОЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются механизмы фонетического и морфологического освоения русской лексики в северо-восточном диалекте алюторского языка как два независимых типа структурной адаптации, которые по-разному функционируют в различных явлениях, связанных с алюторско-русским билингвизмом. Анализируются изменения в фонетическом составе и ритмико-слоговой структуре русских слов при их адаптации, а также стратегии освоения русских именных и глагольных основ в алюторском языке.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, языковые контакты, заимствование лексики, фонетика, морфология.

Алюторский язык входит в чукотско-корякскую языковую семью. Он имеет четыре диалекта, но утвержденной письменности нет ни для одного из них, поскольку алюторские диалекты долгое время относились к корякскому языку. Носители алюторского языка, по разным оценкам – от 300 до 500 чел. старшего поколения, составляют примерно 10 % этнической группы оседлых коряков (нымыланов), проживающих в северной части полуострова Камчатка. Большая часть нымыланов в настоящее время говорит только по-русски, все носители алюторского языка являются алюторско-русскими билингвами.

Цель данной статьи – описание фонетических и морфологических механизмов освоения русской лексики в собственно алюторском, северо-восточном, диалекте алюторского языка.

Использование русской лексики алюторско-русскими билингвами

В условиях массового алюторско-русского билингвизма спонтанная речь на алюторском языке практически всегда содержит результаты языкового контакта алюторского языка с русским в области лексики. Эти контактные явления достаточно разнородны: употребление устоявшихся заимствований, спонтанная аккомодация русских слов и переключение кодов.

Заимствования появились в алюторском языке в период начала интенсивных контактов с русским языком для обозначения реалий, не имеющих лексических номинаций в алюторском языке. Сейчас они являются единицами словаря, употребляются всеми носителями и встречаются в разных типах текстов на алюторском языке, включая

фольклорные. «Старые» заимствования всегда морфологически освоены, имеют высокую степень фонетической адаптации, а их семантика может отличаться от исходной семантики русской лексемы, например *ʒurvaʒ* ‘верхняя одежда, платье’ (< *рубашка*)¹.

*Спонтанная аккомодация*² русских лексем является живым речевым процессом, частотным в речи алуторско-русских билингвов. Использование русской лексики в данном случае восполняет как языковые, так и индивидуальные лексические лакуны. Некоторые носители алуторского языка, сохраняя матричный язык, могут оперативно заменять недостающие лексемы соответствующими русскими, оформляя их в соответствии с механизмами адаптации, сложившимися в предыдущие периоды языкового контакта. Спонтанная аккомодация русской лексики более характерна для текстов, не имеющих воспроизводимой заданной структуры, например автобиографических рассказов, которые продуцируются непосредственно в момент речи.

Ключевым параметром сохранения языкового единства в пределах текста является морфологическая адаптация иноязычных слов. Фонетическая адаптация в этом случае, напротив, необязательна. Ее наличие и степень зависят от полноты освоения артикуляционно-акустической базы русского языка конкретным индивидом, поэтому наблюдается вариативность степени фонетической адаптации русских слов как у разных носителей языка или диалекта, так и у одного и того же носителя:

[*ʎórot=əŋ* / *ʎórod=əŋ* / *górot=əŋ* / *górod=əŋ*]
‘в город (город=DAT)’.

*Переключение кодов*³, т. е. переход с алуторского языка на русский в пределах

одного текста или даже одного предложения, может быть обусловлено целым рядом причин. Одна из них, но, вероятно, не наиболее важная для переключения кодов, совпадает с причиной спонтанной аккомодации лексики: внезапное выпадение из памяти нужного слова. В этот момент говорящий стоит перед выбором – сохранить матричный язык, оперативно морфологически адаптировав русское слово, либо употребить русскую лексему в русском морфологическом оформлении. Результат выбора зависит от целого комплекса сложных факторов, требующих детального изучения, и, вероятно, нелингвистическими методами: это степень спонтанности речи на родном языке, скорость и специфика мозговой деятельности, психотип конкретного говорящего.

Более существенную роль при переключении кодов играют прагматические факторы, поскольку переключение кодов чаще всего инициируется экстралингвистическими причинами и связано с сознательным маркированным изменением матричного языка. Переключение кода, помимо собственно передачи информации, обеспечивает выполнение дополнительных прагматических интенций говорящего: выделение текстового фрагмента (начало или конец текста, эмоционально насыщенный или кульминационный эпизод, маркировка речи иноплеменника), обеспечение обратной связи с адресатом, желание удостовериться в точном понимании адресатом смысла повествования, создание комического эффекта и пр.

В паланском, юго-западном, диалекте алуторского языка, подвергшемся наиболее сильной русификации, зафиксировано немотивированное переключение кодов, проявляющееся как принципиальная невозмож-

¹ Примеры взяты из собственных экспедиционных материалов автора.

² Существует также термин «спонтанное заимствование» (*nonce borrowing*) [Sankoff et al., 1990], который не представляется удачным для описания алуторского языка, поскольку содержит нежелательное представление о включении такого «спонтанно заимствованного» русского слова в лексическую систему алуторского языка, чего не происходит в современном алуторском языке, все носители которого владеют русским языком, причем чаще на более высоком уровне, чем алуторским. О неоднозначности термина «спонтанное заимствование» см. также: [Muysken-Scotton, 1993. P. 181–182; Haspelmath, 2009. P. 41].

³ Многие лингвисты различают переключение кодов (*code-switching*) и смешение кодов (*code-mixing*)

[Muysken, 2000; Русаков, 2004. С. 83]. В первом случае оба языка, на которых говорит билингв, являются в равной степени матричными по отношению к данному тексту, переход с одного языка на другой, как правило, происходит на границе предложений. Во втором случае матричным является только один язык, в связный текст на котором включаются отдельные неадаптированные словоформы второго языка. В спонтанных текстах, впрочем, не всегда есть возможность поставить четкую границу между этими двумя явлениями. Для данного описания противопоставление переключения и смешения кодов не является релевантным, поэтому мы рассматриваем русские неадаптированные словоформы, даже изолированные, в алуторском тексте как разновидность переключения кодов.

ность исключения перехода с одного языка на другой при любом матричном языке (подробно см.: [Мальцева, 2006]). Такое явление рассматривается как смешение языков (*language mixing*).

Показателем переключения кодов является русское морфологическое оформление словоформ, фонетическая адаптация, как и в случае спонтанной морфологической аккомодации, вариативна, в большей степени она присутствует у носителей аляutorского языка старшего поколения, которые говорят по-русски с сильным акцентом: *нюкает* ‘нюхает’, *соловеки* ‘люди’.

Фонетическое освоение русской лексики

Фонетическая адаптация строится на преодолении различий между фонетическими системами взаимодействующих языков.

Консонантизм. Консонантная система аляutorского языка существенно отличается от русской (ср. табл. 1 и 2): в русском языке 37 основных согласных фонем [Лукьянова, 1999. С. 46], в аляutorском их всего 18. Наиболее важные системные различия связаны с незначительным количеством шумных согласных аляutorского языка по сравнению с русским, отсутствием противопоставления по глухости-звонкости.

Отсутствие в аляutorской консонантной системе корреляции по глухости-звонкости при освоении русских слов, содержащих звонкие согласные, приводит к их замещению согласными других типов в зависимости от локального ряда.

Переднеязычный звонкий смычный согласный [d] переходит в соответствующий шумный смычный [t]: *солдат* → [sáltat]. Заднеязычный звонкий смычный [g] меняется на соответствующий шумный щелевой [χ]: *город* → [χó-got].

Для русского звонкого смычного лабиального [b] нет однозначного соответствия в аляutorском языке, возможны разные варианты освоения, но все они находятся в пределах соответствующего локального ряда лабиальных: шумный смычный [p]: *карабин* → [karápin]; шумный фрикативный [v]: *баня* → [ván'a], вероятно, связанный с инлаутной позицией; сонорный назальный [m]: *бумага* → [mumáχa]. В последнем случае можно усматривать дистантную ассимиляцию по способу образования.

Класс фрикативных в аляutorском языке весьма невелик, и в нем также нет оппозиции по глухости-звонкости: в некоторых локальных рядах представлены звонкие спиранты, в других – глухие. Поэтому освоение слов со спирантами имеет варианты, даже для одной и той же лексемы.

Русский глухой фрикативный лабиодентальный [f] осваивается преимущественно как шумный смычный губной [p] либо как фрикативные шумные [v] или [s]: *картофель* → [kartúpə^l / kartúvə^l]; *верёвка* [ф] → [virúpka / virúska]. Глухой фрикативный заднеязычный [x] замещается шумными смычными – увулярным [q] или заднеязычным [k]: *пароход* → [paráqot]; *ихуна* → [səkúna(n)].

Многочисленные в русском языке переднеязычные свистящие и шипящие, и простые, и аффрикаты, находят соответствие в единственной фонеме [s / s^j / ts / ts^j] со сходными акустическими характеристиками. В аляutorском языке данная фонема имеет несколько свободных вариантов, в том числе аффрикаты, которые исходно были характерны для женского произношения: *землянка* → [sim^lánka(n)]; *иллюнка* → [sil^lúpka]; *ящик* → [jásik]; *цель* → [sápa(n)]; *лампочка* → [lámpəska].

В аляutorской консонантной системе нет тотального противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных, имеются только две пары коррелятов по данному параметру: [l] – [l^h] и [n] – [n^h]. При освоении русских слов с этими двумя палатализованными согласными в аляutorском языке они сохраняются, остальные замещаются непалатализованными: *отряд* → [ʔátrat]; *печать* → [písat].

Вокализм. В вокалической системе аляutorского языка, в отличие от русского языка, выделяются краткие и долгие гласные (ср. табл. 3 и 4), однако их статус в языковой системе различен.

Первичные гласные полного образования в аляutorском языке только три: [i], [u], [a]. Соответствующие им долгие гласные, как правило, вторичны и восходят к дифтонгоидным сочетаниям: [ī] (< ej, əy); [ū] (< aw); [ā] (< əʔ).

Широкие краткие гласные [e] и [o] в чукотском и корякском языках задействованы в гармонии гласных по подъему, отсутствующей в аляutorском языке, где они представляют собой скорее свободные варианты

Таблица 1

Консонантная система русского языка *

Способ образования			Локальные ряды и дополнительные признаки											
			Губные				Переднеязычные				Среднеязычные	Заднеязычные		
			Губно-губные		Губно-зубные		Зубные		Передненёбные		Средненёбные	Задненёбные		
			Тв.	Мяг.	Тв.	Мяг.	Мяг.	Мяг.	Тв.	Мяг.	Мяг.	Тв.	Мяг.	
Шумные	Смычные	Гл.	p	p^j			t	t^j				k	k^j	
		Зв.	b	b^j			d	d^j				g	g^j	
	Щелевые	Гл.			f	f^j	s	s^j	š	š^j			x	x^j
		Зв.			v	v^j	z	z^j	ž	ž^j	j		[ɣ]	[ɣ^j]
	Аффрикаты	Гл.					ts				t^jš^j			
		Зв.					[dz]				[d^jž^j]			
Сонанты	Назальные		m	m^j			n	n^j						
	Латеральные						l	l^j						
	Вибранты								r	r^j				

* Таблица составлена на основе физиологической классификации согласных звуков русского языка, представленной в [Лукьянова, 1999. С. 44].

Таблица 2

Консонантная система алоторского языка *

Способ образования		Локальные ряды и дополнительные признаки							
		Губные	Переднеязычные		Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Ларингальные	
			Тв.	Мяг.				глоттальные	эпиглоттальные
Шумные	Смычные	p	t			k	q	ʔ	ʕ
	Фрикативные	v		s / s^j / ts / ts^j		ɣ			
Сонанты	Назальные	m	n	n^j		ŋ			
	Латеральные		l	l^j					
	Вибранты		r						
	Полугласные	w			j				

* При составлении табл. 2 и 4, а также в основных принципах описания фонетики алоторского языка мы опирались на фонетический очерк в [Кибрик и др., 2000. С. 177–206], написанный С. В. Кодзасовым и И. А. Муравьевой.

Таблица 3

Вокалическая система
русского языка *

i	[i]	u
e	o	
	a	

* При составлении таблицы мы опирались на традиционный способ представления ударных гласных фонем русского языка [Лукьянова, 1999. С. 50].

Таблица 4

Вокалическая система
алюторского языка

i (ī)		u (ū)
	ə	
e (ē)		o (ō)
	a (ā)	

узких гласных [i] и [u]. Широкие долгие гласные также вторичны, появились из дифтонгоидных сочетаний: [ē] (< aj); [ō] (< au, aw). Фонологический статус редуцированного [ə] является спорным, так как обычно он вставляется для устранения стечения согласных.

О маргинальном положении широких гласных [e] и [o] в системе аляutorского языка свидетельствуют освоенные заимствования, в которых [o] меняется на [u], а [e] – на [a]: *конь* → [kún¹a]; *корова* → [kúruv]; *печь* (сущ.) → [pásin].

Монофтонгизация дифтонгоидных сочетаний в конечнослоговой позиции является живым фонетическим процессом, который проявляется и при освоении русских слов, например дифтонгоидное сочетание [aj] переходит в [ē]: *чай-ник* → [s¹ē-nik].

Слоговая структура и ударение. Ритмико-слововая структура аляutorского языка принципиально отличается от русской. Слововая структура и место ударения в слововых формах аляutorского языка являются строго закрепленными и тесно взаимосвязанными, в отличие от русского языка, имеющего свободное ударение и позволяющего использование слогов вплоть до (CCCC)V(CCC)⁴, что

⁴ Это обобщенное представление о структуре максимального русского слога строится на том, что воз-

может приводить к появлению громоздких консонантных кластеров.

В аляutorском языке возможны слоги только структуры CV(C), поэтому при освоении слов со стечением согласных в основе их слоговая структура изменяется с помощью протетических и эпентетических гласных: *блюде* → [və-¹ús-sə]. Перед протетическими гласными для построения прикрытого слога вставляется гортанный смычный: *шамп* → [ʔəs-tám-pa]; *стол* → [ʔəs-tul].

В аляutorском языке словоформа не может состоять из одного слога, поэтому при освоении односложных русизмов происходит наращение слога либо за счет эпентетического гласного полного образования: *конь* → [kú-n¹a]; либо за счет удвоения ауслатного согласного и наращения редуцированного гласного: *чай* → [sáj-jə]; *соль* → [súl¹-¹ə].

Ударение в аляutorском языке не может падать на последний слог. В двусложных словах оно обычно падает на первый слог, в трех- и многосложных словах – на второй, поэтому при освоении русских слов с ударением на последнем слоге оно переносится на слог, соответствующий правилам аляutorской слоговой структуры: *карабин* → [ka-rá-pin]; *ведро* → [vít-ron]. Односложные слова, как было указано, осваиваются как двусложные, поэтому ударение в них ставится на первый слог (примеры см. выше).

Исключение из основного правила расстановки ударений – слова, в которых слоги, предназначенные для постановки ударения (первый слог в двусложных словах или второй в многосложных словах), являются «лёгкими», т. е. слогами типа «согласный + редуцированный гласный». Эти слоги в аляutorском языке не могут нести ударение, поэтому, например, двусложные слова с первым слогом такого типа либо становятся безударными: *клуб* → [kə-lup], либо в них производится наращение третьего слога, а ударение ставится на второй: *хлеб* → [qə-lír-pə].

можно слоги с четырьмя согласными перед гласным (ср. *всплеск*) и слоги с тремя согласными после гласного (ср. *А-лек-сандр*), при этом, однако, наличие всех семи консонантов в пределах одного слога вряд ли допустимо.

Морфологическое освоение русских слов

Различная по частям речи частотность спонтанной аккомодации русских слов вписывается в общее представление об иерархии заимствования, которая, по мнению большинства исследователей, не является универсальной, а специфична в каждой конкретной ситуации языкового контакта [Field, 2002. P. 35]. Однако в соответствии с данной иерархией глаголы всегда заимствуются реже, чем имена, из-за общей сложности освоения концептов, связанных с действием, поскольку именно глаголы несут главный «синтаксический багаж» языка, который далеко не всегда позволяет легко адаптировать иноязычные глагольные лексемы [Myers-Scotton, 2002. P. 76]. Кроме того, сложности в освоении глагольной лексики могут быть связаны с особенностями глагольного словоизменения одного или обоих взаимодействующих языков [Curnow, 2001. P. 416].

Основную часть как заимствований, так и спонтанно осваиваемых русских слов составляют имена существительные и дискурсивные слова (частицы и союзы). Заимствование глаголов не является частотным, случаи заимствования прилагательных единичны. Морфологическое освоение, т. е. оформление алуторскими грамматическими показателями свойственно только существительным и глаголам, поскольку прилагательные и служебные слова в алуторском языке не изменяются.

Механизмы морфологического освоения для имен существительных и глаголов различны.

Морфологическое освоение имени существительного. Морфологическое освоение имени существительного проявляется в присоединении к основе русского слова показателей падежа или числа. У нарицательных существительных показатели единственного, двойственного и множественного числа одновременно выражают и значение абсолютива, показатели косвенных падежей число не маркируют.

Формы косвенных падежей в алуторском языке достаточно стандартны, их фонетический облик зависит от исхода основы. Более интересным является образование формы абсолютива исконных алуторских существительных, которая строится по од-

ной из шести синтетических моделей (табл. 5), синхронно не связанных ни с формой, ни с семантикой слов. Из шести показателей абсолютива наиболее частотны две: с нулевым аффиксом и с аффиксом $=(\text{ə})n$. Именно по этим двум моделям преимущественно строятся формы абсолютива единственного числа и при морфологическом освоении русских слов. В табл. 5. приведены лишь некоторые из многочисленных примеров. По третьей модели, с аффиксом $=l\eta n$, образованы только два слова, оба они включены в табл. 5.

При освоении некоторых слов возможны вариативные формы абсолютива, могут использоваться обе частотные модели:

$\text{ʔukən}=\emptyset / \text{ʔuknu}=\mathbf{n}$ ‘окно=ABS.sg’
($\text{ʔuknu}=k$ ‘окно=LOC’);
 $\text{sapa}=\emptyset / \text{sapa}=\mathbf{n}$ ‘цепь=ABS.sg’ ($\text{sapa}=\mathbf{ta}$
‘цепь=INSTR’);
 $\text{səkuna}=\emptyset / \text{səkuna}=\mathbf{n}$ ‘шхуна=ABS.sg’
($\text{səkuna}=k$ ‘шхуна=LOC’);
 $\text{sim}^l\text{anka}=\emptyset / \text{sim}^l\text{anka}=\mathbf{n}$
‘землянка=ABS.sg’ ($\text{sim}^l\text{anka}=k$
‘землянка=LOC’);
 $\text{sul}^l\text{ə}=\emptyset / \text{sul}^l\text{a}=\mathbf{n}$ ‘соль=ABS.sg’
($\text{sul}^l\text{ə}=k / \text{sul}^l\text{a}=k$ ‘соль=LOC’).

Морфологическое освоение глаголов. В языках мира зафиксированы следующие стратегии заимствования глаголов [Wohlgemuth, 2009. P. 293]:

- *прямая вставка* (direct insertion) – заимствованная глагольная основа используется как исконная, без каких-либо словообразовательных средств;
- *непрямая вставка* (indirect insertion) – к заимствованной основе (чаще именной) присоединяется исконный синтетический вербализатор;
- *стратегия «легкого глагола»* (light verb strategy) – заимствованная глагольная основа используется как лексический компонент аналитической конструкции;
- *вставка парадигмы* (paradigm insertion) – глагол заимствуется вместе со словоизменительной морфологией.

Первые две стратегии относятся к синтетическим способам адаптации, третья – к аналитическим. Вставку парадигмы мы трактуем как разновидность переключения кодов и в данной работе не рассматриваем.

При морфологическом освоении глаголов в алуторском языке используются толь-

Таблица 5

Модели формы абсолютива единственного числа в исконных и освоенных существительных

Модели формы абсолютива ед. числа в исконных существительных		Модели формы абсолютива ед. числа в освоенных существительных
=(ə)n	<i>kéŋ=ən</i> ‘медведь=ABS.sg’ (<i>keŋ=ək</i> ‘медведь=LOC’)	<i>pərívjant=ən</i> ‘мука=ABS.sg’ (< <i>провиант</i>) (<i>pərívjant=ək</i> ‘мука=LOC’)
	<i>ʔírra=n</i> ‘отряд=ABS.sg’ (<i>ʔírra=k</i> ‘отряд=LOC’)	<i>pási=n</i> ‘печь=ABS.sg’ (<i>pási=k</i> ‘печь=LOC’) <i>ʔəspíska=n</i> ‘спичка=ABS.sg’ (<i>ʔəspíska=k</i> ‘спичка=LOC’) <i>vítro=n</i> ‘ведро=ABS.sg’ (<i>vítro=k</i> ‘ведро=LOC’) <i>jólka=n</i> ‘ёлка=ABS.sg’ (<i>jólka=k</i> ‘ёлка=LOC’)
=Ø	<i>sáwat=Ø</i> ‘аркан=ABS.sg’ (<i>sawát=ək</i> ‘аркан=LOC’) <i>tátul=Ø</i> ‘лиса=ABS.sg’ (<i>tatúla=k</i> ‘лиса=LOC’) <i>púnta=Ø</i> ‘печень=ABS.sg’ (<i>púnta=k</i> ‘печень=LOC’)	<i>mísok=Ø</i> ‘мешок=ABS.sg’ (<i>mísok=ək</i> ‘мешок=LOC’) <i>qəlíppə=Ø</i> ‘хлеб=ABS.sg’ (<i>qəlíp=ək</i> ‘хлеб=LOC’) <i>kún’a=Ø</i> ‘конь=ABS.sg’ (<i>kún’a=k</i> ‘конь=LOC’)
=lŋən	<i>ʔətka=lŋən</i> ‘нога=ABS.sg’ (<i>ʔətka=k</i> ‘нога=LOC’) <i>ʕiyá=lŋən</i> ‘волк=ABS.sg’ (<i>ʕiy=ək</i> ‘волк=LOC’)	<i>kuláka=lŋən</i> ‘кулак=ABS.sg’ (<i>kuláka=k</i> ‘кулак=LOC’) <i>sapúki=lŋən</i> ‘сапог=ABS.sg’ (<i>sapúki=k</i> ‘сапог=LOC’)
=qal	<i>pəlaq=qal</i> / <i>pəlakə=lŋən</i> ‘торбаз=ABS.sg’ (<i>pəlak=ək</i> ‘торбаз=LOC’)	–
=ŋa	<i>rará=ŋa</i> ‘дом=ABS.sg’ (<i>rára=k</i> ‘дом=LOC’)	–
REDUP	<i>ʔalá=ʔal</i> ‘лето=ABS.sg’ (<i>ʔála=k</i> ‘лето=LOC’)	–

ко синтетические механизмы, в отличие от корякского языка, в южных говорах которого зафиксированы аналитические стратегии освоения русских глаголов, появившиеся, вероятно, под влиянием ительменского языка [Мальцева, 2011].

Из синтетических стратегий наиболее популярной в алюторском языке является *непрямая вставка*, при которой глагольные основы вторичны, они образуются от основ освоенных русских существительных по исконным словообразовательным моделям:

kərásk(a)=at=ək ‘красить’ (краска=VBLZ=CV.loc) – ср. *ʃisiv=at=ək* ‘шутить’ (шутка=VBLZ=CV.loc);

qəlíp=u=k ‘есть хлеб’ (хлеб=VBLZ.потребить=CV.loc) – ср.

rətt=u=k ‘есть морошку’ (морошка=VBLZ.потребить=CV.loc);

van'á=ʔat=ək ‘мыться в бане’ (баня=VBLZ.habit=CV.loc) – ср. *ʃətvə=ʔat=ək* ‘плавать, кататься на лодке’ (лодка=VBLZ.habit=CV.loc)

kuśipə=mku=k ‘играть в карты’ (kozyрь=VBLZ.iter=CV.loc) – ср. *wala=tku=k* ‘работать ножом’ (нож=VBLZ.iter=CV.loc).

Стратегия *прямой вставки*, исконно практически не свойственная алюторскому языку, судя по текстам, записанным С. Н. Стебницким в 1928 г., с течением времени становится более популярной. При освоении русского глагола в помощью прямой вставки в качестве основы алюторского глагола используется либо форма русского инфинитива с депалатализованным показателем (*vəstúpat=ək* ‘выступить’; *risóvat=ək* ‘рисовать’; *pisátat=ək* ‘печатать’; *ʔupírat=ək* ‘убирать(ся)’; *sətúsat=ək* ‘стучать(ся)’), либо, в единичных случаях, форма 2-го л. ед. ч. императива (*pəʔási=k* ‘плясать’ (< *пляши*); *kúsi=k* ‘косить (траву)’ (< *косу*)).

Выводы

Таким образом, морфологическое и фонетическое освоение русской лексики – это два независимых типа структурной адаптации, которые по-разному функционируют в различных явлениях, связанных с алюторско-русским билингвизмом: морфологическая адаптация обязательна для заимствований и спонтанной аккомодации лексики,

фонетическая адаптация в полной мере присутствует только в старых заимствованиях, при спонтанной аккомодации и переключении кодов она факультативна и возможна в разной степени.

В силу существенных различий между фонетическими системами русского и алюторского языков, в особенности принципов ритмико-слоговой структуры словоформы, при полном фонетическом освоении русские слова подвергаются значительным фонетическим преобразованиям, детальный анализ которых может позволить уточнить представление о фонетической системе алюторского языка.

Из шести моделей построения именной словоформы абсолютива единственного числа, имеющих в алюторском языке, при морфологическом освоении русских слов используются только три. Возможно варьирование формы абсолютива некоторых существительных в пределах двух наиболее частотных в алюторском языке моделей. При морфологической адаптации глаголов в алюторском языке применяются синтетические стратегии не прямой и прямой вставки.

Список литературы

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев: Коллект. моногр. М.: Наследие, 2000.

Лукьянова Н. А. Современный русский язык. Лекции по фонетике. Новосибирск, 1999.

Мальцева А. А. Стратегии заимствования глаголов в корякском языке // Тезисы докладов 26-й Междунар. конф. «Дульзонские чтения», посвящ. 110-летию со дня рождения А. П. Дульзона и 80-летнему юбилею факультета иностранных языков ТГПУ. 24–28 июня 2011 г. Томск, 2011. С. 140–142.

Мальцева А. А. Языковая интерференция в речи лесновских коряков // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 18. С. 257–269.

Русаков А. Ю. Интерференция и переключение кодов: севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.

Curnow T. J. What Language Features Can Be ‘Borrowed’? // Areal Diffusion and Genetic Inheritance. Problems in Comparative Linguistics.

tics / Eds. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. P. 412–436.

Field F. Linguistic Borrowing in Linguistic Context. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Haspelmath M. Lexical Borrowings: Concepts and Issues // Loanwords in the World's Languages. A Comparative Handbook / Eds. M. Haspelmath, U. Tadmor. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 35–54.

Muysken P. Bilingual Speech. Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford: Clarendon, 1993.

Myers-Scotton C. Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.

Sankoff D., Poplack S., Vanniaradjian S. The Case of the Nonce Loan in Tamil // Language Variation and Change. 1990. Vol. 2. P. 71–101.

Wohlgemuth J. Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Условные обозначения

ABS – абсолютив; **CV.loc** – конверб, входящий к форме локатива; **DAT** – датив; **habit** – хабиуталис; **INSTR** – инструменталис; **iter** – итератив; **LOC** – локатив; **sg** – единственное число; **VBLZ** – вербализатор.

Материал поступил в редколлегию 20.03.2012

A. A. Maltseva

THE MECHANISMS OF RUSSIAN WORDS ADAPTATION IN THE ALUTOR LANGUAGE

The paper considers phonetic and morphological mechanisms of Russian words' adaptation in the north-eastern dialect of Alutor. These two types of structural adaptation work independently in different processes induced by Alutor-Russian bilingualism.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, language contacts, lexical borrowings, phonetics, morphology.